

[Ольга Ефимова](#)

Павел Рыков, «Возвращение ветра»¹

Опубликовано в журнале [Зинзивер](#), номер 6, 2022

Павел Рыков, «Возвращение ветра»

Москва : «Вест-Консалтинг», 2022

Пять повестей, составившие новый сборник Павла Рыкова «Возвращение ветра», наполнены той непреходящей болью за русского человека, с которым мы впервые сталкиваемся, читая классиков за школьной скамьей. Кажется, так все безнадежно запутано у его персонажей, столько боли им довелось пережить, что непонятно: что с этой болью делать. И одновременно – все просто. Просто каждый человек ищет счастья. Просто каждый стремится к Богу: наугад, вслепую, не называя по имени. А найдя – переживает трансформацию. Порой настолько мучительную, что человеку легче сломать себе жизнь, нежели измениться. Тогда проще отказаться, не впускать Бога к себе в сердце, все, что угодно, лишь бы сохранить хрупкое чувство собственной правоты. Так, писатель Никита, герой повести «Сексот», категорически не понимает, как может бывший подполковник призывать к покаянию за недостойные деяния, в частности, за доносы. Более того, храбрый военный прямо говорит возмутительное слово «грех»! Этого Никита перенести не в силах: «– Каяться?! Я и не думаю каяться, товарищ подполковник! В чем моя вина? Вы – свой долг исполняли. Я – свой. Такое время было. Помните, что вы мне сказали, когда машинку пишущую вручали?». Обратим внимание, как автор выстраивает эту сцену. Писателю не все равно, ему далеко не безразлично, что говорит «товарищ подполковник». Если бы его сердце было наглухо закрыто, он просто покрутил бы пальцем у виска и вышел из помещения восвояси. Но нет! Дубовая киянка в руке «труженика пера» опускается на символ возрождения души – храм из спичек...

В этой книге мы не найдем безоблачно счастливых: к самому важному в своей жизни герои Павла Рыкова продираются сквозь тернии страданий. Олег, герой повести «Возвращение ветра», поначалу не очень-то хорошо отзывается о своих женщинах, бывшей жене и нынешней даме сердца: «Вот и губы не накрашены. Или накрашены – разбери-пойми в темноте. Ляпнуть про шею? А зачем? Жгучее некогда желание причинить ответную боль давно поутихло. Их горячая, до истерик, любовь разом остыла, когда он наткнулся на проклятые почеркушки на комсомольских бланках. В конце концов, он давно свое поражение компенсировал. И его нынешняя, как бы это поточнее сказать, партнерша вполне приемлема в постели и, кажется, любит его». Павел Рыков владеет не только самим словом, описывая драматические судьбы своих персонажей, но и нюансами слова, за которыми прячутся жизненные реалии этих людей. Сомнение, закравшееся в душу Олега, автор осторожно фиксирует вводным словом «кажется». Эта шаткость отношений поддерживается тем, как автор определяет статус нынешней «половины» Олега: «партнерша». Слово-то какое, иноземное, модное нынче не только на Западе. Но там это в порядке вещей, а нам чуждо. Отголосок неуверенности, перерастающей в настоящую потерю жизненных ориентиров, выражается и в обилии вопросов, которые герой задает сам себе. И лишь в конце, делая окончательный выбор, мужчина тверд и решителен. Не нужен ему Лондон, нужно настоящее, то, что едва не погибло по его вине. Удастся ли герою хоть что-то исправить? Так хочется в это верить!.. Может быть, уже поздно изменить события чисто физического плана, но за душу этого человека читатель спокоен. Павел Рыков мастерски вводит и еще одну символическую деталь: колобки, которые печет бабушка своему внуку. Это и мощная отсылка к русской сказке, и метафора жизни внука – все катится Олежек куда-то, не в силах остановиться, все мечется, не в силах осесть, завершить свои скитания: ни развестись с одной, ни жениться на другой, несмотря на всю свою успешность на ниве бизнеса. Кстати, есть теория, в которых конец сказки о хлебце-

---

¹ <https://magazines.gorky.media/zin/2022/6/pavel-rykov-vozvrashhenie-vetra.html?ysclid=ldzsnsx6cv85741185>

поскребыше не такой трагический, как тот, который мы знаем с детства: в ней лиса метафорически отождествляется с женщиной, с которой мужчина создает себе пару, продолжая свой род. А, стало быть, никто никого не ест... Впрочем, это уже читатель утешает сам себя, переживая за судьбу неприкаянного эмигранта.

Три начала доминируют в прозе Павла Рыкова: жизнь, смерть и любовь. И смерть вопиет так же громко, как жизнь. Отсутствие любви делает нашу жизнь пустынной. Отблеск любви, пусть утраченной, оживляет ее: Андрей смотрит на снег, и сердитая стихия оживает в его восприятии: «Снег повалил еще гуще. Снежинки летели какие-то необычайно крупные, на манер тех, что рисуют в детских книжках. Каждая выделась по-отдельности, отчетливо. Каждая была событием. Странно: когда бы он рассматривал каждую снежинку? Снег всегда был всего лишь дополнительным отягощением во время гонок – и не более. Летел, взвихриваемый шипованными колесами Зверя. А теперь, а теперь... Этот снег, и еще глаза Даши, наливающиеся слезами...». Герой повести «Окно напротив» взывает к Всевышнему. Последнее слово, которым заканчивается финальная повесть сборника – протяжный, отчаянный призыв к Богу: «Господи!». Ибо хитросплетение трех великих стихий мира сего никто не в силах распутать, кроме Отца Небесного.

Человек стремится к счастью, однако, порой, слишком поздно понимает, что счастье всю жизнь ждало рядом, достаточно было лишь... между строк читается глагол «смириться», специфически христианский, хотя автор напрямую его не проговаривает. Каяться – да. А это уже – следующий этап, слишком личный и горький. Огромное женское счастье – стать матерью – становится для Тули недоступным, Даша пытается наложить на себя руки из-за любви – и в итоге отрекается от отношений в принципе, готовясь принять монашеский постриг. Есть ли счастье в устремлении к Богу? Безусловно. Только вот приходят к нему люди не напрямик, а изрядно намучившись, наплакавшись, натворив непоправимое... Однако несмотря на то, что эта книга весьма печальна, она не оставляет ощущения безысходности. Потому что человек – такое странное существо, которое не только с помощью внешних ритуалов может общаться с Богом, но и, что называется, на уровне подсознания, задолго до того, как это общение приобретает материальную форму: от рождения и до смерти; и идет это непрерывное общение в самой глубине человеческой сущности. Именно оно определяет выбор: остаться на Родине или уехать на Запад, покаяться или сбежать от себя самого, оставив после себя боль и разруху. В общем, эта книга о предательстве и любви. И о Боге, которого как бы нет, но который, несмотря ни на что, все-таки есть.